

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 101.1:316

А. В. СУШКО

Омский государственный
технический университет,
г. Омск

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОПОНИМАНИЯ В РОССИИ

Статья посвящена истории изучения наций и национализмов в отечественной науке. В центре исследовательского интереса вопрос о смене исследовательских парадигм и основаниях классификаций существующих на текущий момент теорий нациепонимания. Автор приходит к выводу о необходимости создания «синтетической» теории национализма, которая должна соответствовать требованиям к универсальной теории, вносящей новое знание в современное нациеведение, объединяющей сильные стороны разных концепций и нивелирующей их недостатки

Ключевые слова: теории наций и национализмов, примордиализм, модернизм, конструктивизм, инструментализм, этносимволизм.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-03-00421.

В современном научном знании значительны объемы и масштабы междисциплинарных исследований и дискуссий, посвященных процессам суверенизации и нациестроительства, нациям и национализму. Для того, чтобы отделить философскую основу понимания дефиниции нация, исследователями Н. А. Мосуновой и Г. П. Корневым был предложен специальный термин — нациопонимание, как рефлексивная область философских размышлений о концепциях и теориях, изучающих нацию, национализм и другие взаимосвязанные с ними явления в их парадигмальной целостности [1, с. 86]. Цель данной работы — проанализировать развитие и особенности нациопонимания в России в зависимости от развития общественно-политической ситуации.

Понятия «нация» и «национализм» вошли в отечественный общественно-политический дискурс и стали предметом для философского осмысления российскими мыслителями в XIX столетии. С. М. Сергеев, относя генезис русского националистического дискурса к началу XIX в., пишет: «Националистический дискурс, несомненно, присутствует в писаниях традиционалистов, начиная,

по крайней мере, с А. С. Шишкова и Ф. В. Ростопчина, он хорошо виден у таких представителей «официальной народности», как М. П. Погодин, у большинства ранних славянофилов (особенно братьев Аксаковых и Ю. Ф. Самарина), Ф. М. Достоевского и Н. Я. Данилевского, М. Н. Каткова и Н. П. Гилярова-Платонова. Но, конечно, ни для кого из них он не имел самодавлеющего значения, всегда оставаясь в подчинении у ценностей более высокого порядка — религии и династических (недаром, в знаменитой уваровской формуле «Православие. Самодержавие. Народность» этническое начало стояло на последнем месте)» [2, с. 11–12].

Современный исследователь Д. Э. Летняков, обратившийся к изучению наследия Н. М. Карамзина, представляет его не только как идеолога русского консерватизма, но и как основоположника идей русского национализма. В этой связи он пишет: «Карамзин сумел наметить ряд важных тем, которые и в дальнейшем будут волновать многих русских националистов (проблема культурного раскола в обществе, обоснование русской национальной специфики и пр.); Карамзин заложил и определенные мировоззренческие тенденции, присущие

всему русскому национализму, по крайней мере, до 1917 г. (его сугубо консервативный и антизападный характер, неотъемлемая связь с монархизмом). В-третьих, Карамзин в немалой степени способствовал появлению у русского национализма какой-то реальной основы в виде готового исторического нарратива, собственной национальной традиции, к которой можно апеллировать, а также разработанного национального языка» [3, с. 81–82]. Обратившись к изучению взглядов отечественных мыслителей на феномен нации, А. И. Миллер сделал вывод: «Если в период 1840–70-х годов понятие «нация» использовалось в основном авторами западной, либеральной ориентации (В. Г. Белинский, М. Н. Катков в его либеральный период), то с утверждением этого понятия как общепринятого в 1880-е годы оно вошло в арсенал правых, которые боролись с либералами за утверждение собственной, часто авторитарной и расовой, трактовки «нации». В либеральной прессе это вскоре привело к появлению сентенций с осуждением национализма как гипертрофированного и искаженного патриотизма, как формы ксенофобии. Уже в 1880-е годы либералы во многом отдали понятие «нация» на откуп своим противникам справа, часть которых вскоре стала определять себя как националистов» [4, с. 86].

Мотивом для начала интенсивных дискуссий о нации и национализме являлась необходимость осмысления исторического пути России и русского народа. Современные историки выделяют ряд направлений русской национальной идеологии, оформившиеся в XIX столетии. Русский европеизм (западничество): его сторонники полагали стратегической целью России включение в «европейское единство» и дальнейшее движение по одному пути с Европой. Русский мессианизм: его идеологи пропагандировали в качестве императива идею всемирного признания России, ее вселенское призвание. Русский панславизм как разновидность мессианизма, доминировала идея славянского объединения во главе с Россией. И собственно русский национализм как идеологию *suigeneris* [5, с. 109–111]. Несмотря на то что с момента начала изучения национализма проблема была политически ангажирована, представители указанных направлений в ходе общественно-политических дискуссий заложили основы для философского осмысления наций и национализмов в России.

Следует подчеркнуть, что при наличии широкого спектра подходов к нациопониманию в начале XX столетия в отечественной культуре появилось самостоятельное осмысление нации и национализма через религиозно-философский поиск «русской идеи». В отечественной философии «русская идея» рассматривается в качестве философского термина, введенного В. С. Соловьевым «для интерпретации русского самосознания, культуры, национальной и мировой судьбы России, ее христианского наследия и будущности, путей соединения народов и преобразования человечества» [6, с. 421]. В ходе дискуссий в рамках «русской идеи» религиозным философом С. Н. Булгаковым была предложена типология изучения нации. В трактовке ее природы, по мнению С. Н. Булгакова, проявлялись «два основных направления, естественно, обозначились в истории философии, принимая в ней разные формулировки: номинализму и реализму средневековой философии в новейшей соответствует позитивизм, эмпиризм или идеализм (конечно, «трансценден-

тальный») в их противоположности реализму, мистическому или спиритуалистическому. Для первого воззрения бытие исчерпывается непосредственной данностью состояний сознания, которая в своем выражении и логической обработке облекается в символику общих понятий и суждений. Для другого воззрения действительность несравненно глубже опытной данности, показания опыта суть только касания подлинных *res* о нашу субъективность, ее изменчивые и несовершенные, неадекватные символы...» [7, с. 386]. Следует отметить, что на протяжении XX столетия эти подходы, модернизируясь, продолжали определять развитие нациеведения во всем мире, получая у исследователей национализма разные названия при сохранении их сути.

Вплоть до завершения Гражданской войны в России и установления коммунистического режима в отечественной науке существовал методологический плюрализм. Представителями различных общественно-политических сил велись дискуссии о сущности нации, которые были крайне актуальны для развития страны. В этой связи историк В. В. Журавлев отмечает, что «несхожие трактовки искомым понятием на различных изломах и зигзагах истории и тем более реальные социальные действия по воплощению в жизнь содержащихся в их ткани идеологических убеждений, установок, требований всегда служили и продолжают служить непререкаемым инструментом как государственной политики, так и идейной и социально-политической борьбы в недрах российского социума» [5, с. 3]. Однако русский национализм потерпел политическое фиаско в ходе революции и Гражданской войны. Его идеологи эмигрировали из страны. Оценивая последствия этого, С. М. Сергеев отмечает: «Проиграв политически, национализм продолжал развиваться идеологически, прежде всего, конечно, в русском зарубежье» [2, с. 19]. До распада СССР философия русского зарубежья не могла значимо повлиять на развитие нациопонимания в России. В стране утвердился марксизм-ленинизм с декларированием подхода к нации на основе теории общественных формаций.

Если оценивать взгляд на природу наций в СССР не с позиций идеологических клише, навязанных советской идеологией, то следует признать, что советские ученые и политики были «модернистами». В этом мы согласны с мнением российского исследователя М. О. Мнацаканяна. Он пишет: «Классическими являются и марксистские материалистические теории нации и национализма, они не просто близки модернизму, но, по существу, они являются особым направлением, ветвью внутри широкого модернистского течения мысли» [8, с. 27]. Для иллюстрации этой мысли сошлемся на И. В. Сталина, который в конце 1929 г. утверждал: «Русские марксисты давно уже имеют свою теорию нации. По этой теории нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникающая на основе четырех основных признаков, а именно: на базе общности, языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры» [8, с. 105]. Основываясь на таком определении нации, И. В. Сталин считал, что «не было и не могло быть наций в период докапиталистический, так как не было еще национальных рынков, не было ни экономических, ни культурных национальных центров, не было, стало быть, тех факторов,

которые ликвидируют хозяйственную раздробленность данного народа и стягивают разобщенные доселе части этого народа в одно национальное целое» [9, с. 107]. При этом И. В. Сталин подчеркивал, что национальное государство не является обязательным атрибутом нации. Сталинская линия преломляла модернистские идеи в этносимволические контексты¹.

Советские специалисты, развивая воззрения И. В. Сталина, связывали возникновение наций с развитием капиталистических отношений. При этом большое значение они предавали культурным символам нации. В год 50-летия образования СССР (1972 г.) правящая партия провозгласила образование новой исторической общности людей — советского народа. Это была вершина советского опыта нациестроительства. В специальной статье, посвященной этому событию, исследователь М. А. Фадеичева отметила, что «советский народ полностью соответствовал совокупности признаков нации, приведенных И. Сталиным». При этом советские теоретики изменили сталинскую последовательность признаков нации, «в советской теории нации сначала обозначалась общность территории, затем большое внимание уделялось общности экономической жизни, затем — культура, язык как ее основа и, наконец, некоторые черты советского характера, например, «общенациональная гордость советского человека»» [10, с. 232].

Советские обществоведы обслуживали политический заказ правящей партии. «Научная» марксистско-ленинская методология противопоставлялась «буржуазным фальсификациям» теорий нации. При этом большинство советских специалистов не были знакомы с исследованиями своих западных коллег. Несмотря на определенные достижения в нациопонимании, отсутствие плюрализма мнений препятствовало полноценному развитию советской научной мысли. В той ситуации проблема классификации теорий наций и национализмов для отечественной науки не была актуальной. К концу XX века в области нациопонимания советские ученые остались далеко позади своих западных коллег, выработавших множество подходов к изучению наций и национализма.

С крахом коммунистического режима в отечественную науку вернулся методологический плюрализм. Закономерным явлением отечественной общественно-политической и философской мысли стало появление трудов российских ученых, в новых условиях продолживших разработку тематики «русской идеи». В конце XX века произошел ее своеобразный «ренессанс». Были переизданы основные работы дореволюционных авторов и мыслителей русского зарубежья, где рассматривались теоретические концепты наций и национализмов. Это объяснялось рядом факторов: потребностью общества в самопознании, всплеском русского национализма и стремлением государства найти идеологические основы бытия. В стране возродились основные направления мысли, развивавшиеся в XIX — начале XX веков. Представители европеизма (западничества) в современных условиях трактуют нацию как гражданскую общность и выступают за построение российской нации [11]. Для современного русского мессианизма интересы русского народа по-прежнему подчинены всемирно-исторической цели сохранения и распространения православия [12, 13]. Только немногочисленные собственнорусские националисты выступили на защиту

национальных интересов русского народа, считая это в современных условиях главной задачей [14]. Русский панславизм в конце XX века потерял свою актуальность.

Для актуализации национальной проблематики важным событием стал объявленный 30 июля 1996 г. по инициативе президента России Б. Н. Ельцина «Российской газетой» конкурс «Идея для России». В его материалах националистический дискурс играл значимую роль. В 1998 г. были подведены итоги конкурса, отразившие отсутствие идейного консенсуса в стране по поводу идеологии ее развития. Одна из статей, посвященных итогам конкурса в этой связи, называлась «В больном сознании великое не рождается» [15]. В то же время анализ материалов конкурса, проведенный ИСПИ РАН, свидетельствовал о наличии общих ценностей у большинства населения страны. Формула национальной идеи России получилась в виде триады «Нравственность. Народность. Патриотизм» [16]. Материалы конкурса свидетельствовали о том, что, как и прежде, в общественном сознании россиян националистический дискурс не имел самодовлеющего значения. Несмотря на высокую общественную значимость, разработка «русской идеи» не стала ведущим направлением современной отечественной нациеведческой мысли.

Основной особенностью нациеведения в постсоветской, российской науке стало широкое распространение теоретических идей западных ученых, творчески осваиваемых отечественными специалистами. В оценке отечественного нациеведения следует согласиться с исследователями Н. А. Мосуновой и Г. П. Корневым, которые пишут: «Благодаря доступу к западному «видению» национализма и особенностям его проявления в России, в последнее время появились интересные и вполне конкурентоспособные исследования, посвященные проблемам этноса, этничности, этнической и национальной самоидентификации, национализму, способствующие выходу нашего отечественного нациопонимания из своего рода идеологического затворничества. Это — статьи, монографии и диссертации А. Р. Аклаева, В. М. Воронкова, Ю. Д. Гранина, Н. М. Губогло, А. В. Дахина, Л. М. Дробижевой, А. Г. Здравомыслова, С. Г. Кагияна, В. В. Коротеевой, В. С. Малахова, О. Ю. Малиновой, В. В. Мархинина, Б. В. Межуева, М. О. Мнацаканяна, Э. И. Паина, В. Б. Пастухова, Э. А. Позднякова, Э. Д. Понарина, С. Н. Пушкина, С. В. Соколова, С. В. Соколовского, Г. У. Солдатовой, А. И. Субетто, Г. Т. Тобадова, В. А. Тишкова, В. П. Торукало, С. В. Чешко, В. Н. Шевченко, В. А. Шнирельмана, В. Д. Шуверовой и многих других авторов» [1, с. 10]. В отличие от начала XX века, когда российская мысль в рамках поиска и осмысления «русской идеи» имела самобытное направление нациопонимания, современная российская наука развивается в рамках основных направлений мировой науки, определяемых в западных университетах.

На современном этапе развития нациопонимания перед российскими нациеоведами, точно так же, как и перед западными специалистами, встала проблема демаркации основных подходов к нации и национализму. Она может быть решена через создание соответствующей типологии. Проблема типологии наций и национализма в западной науке специально рассмотрена А. В. Нехаевым, в примечании коротко затронувшим и основные типологии,

существующие в российской науке [17, с. 44]. В отечественном национализме их к настоящему времени существует несколько.

В России преобладают троичные типологии парадигм изучения наций и национализмов, зачастую связанные с трактовками этничности. Ведущие отечественные специалисты справедливо объясняют методологическую связь в изучении этничности и национализма следующим образом: «Под исследование национализма попадает также феномен этничности и обширное поле этнических штудий (ethnic studies). Причина здесь все та же: этничность в своей политической форме очень часто обращается к категории «нация», ровно как и гражданские сообщества, в которых присутствует соответствующий дискурс, обращаются к образу единой культуры или единых этнических корней» [18, с. 21]. Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева и А. А. Сусоколов выделяют три подхода к пониманию этнического феномена: примордиализм, инструментализм и конструктивизм² [19, с. 32–35]. Внутри указанных подходов авторы описывают ряд направлений. Как наиболее распространенную, эту же типологию приводят Н. А. Мосунова и Г. П. Корнеев, при этом отмечая существование иных вариантов классификации [1, с. 19].

Троичную типологию теорий наций и национализмов, но несколько по-иному, выстраивает М. О. Мнацаканян. Он разделяет существующие теории на классические и не классические и делит неклассические теории на три парадигмы: модернизм, конструктивизм и постмодернизм. По мнению ученого, если «современный модернизм, являясь теоретическим выражением новых процессов и явлений в национальной жизни эпохи глобализации и модернизации, выступает в роли законного наследника классического модернизма, то конструктивизм, есть отход от некоторых фундаментальных положений модернизма, это, по существу, переходное состояние, сближение с постмодернизмом». Постмодернизм, по мнению ученого, как и конструктивизм, «совершенно новое течение теоретической мысли, свободное от каких-либо преемственных связей с классическими теориями. Он как раз и апеллирует к глобализму, берет на вооружение наиболее слабые положения авторов-глобалистов об отмирании уже сегодня нации, национальных культур, национальных государств и т.п. Постмодернизм сегодня выдвигает идею о космополитизме и о космополитическом видении мира как якобы уже утвердившихся и даже господствующих реальностей» [8, с. 33]. М. О. Мнацаканян представляет развитие современного модернизма в историческом контексте как линейную эволюцию научной мысли при творческом сохранении и развитии идей классических модернистов. В свою очередь, в интерпретации исследователя конструктивизм, и особенно постмодернизм, порвали с классической традицией. Они — следствие конкурентной борьбы разнонаправленных идей, породивших разные парадигмы в новых исторических условиях.

Достаточно простую двоичную типологию теорий наций и национализмов предлагает В. С. Малахов. Он пишет: «Несмотря на многообразие подходов, характерное для национализмоведения последних десятилетий, эти подходы можно объединить под двумя рубриками — «эссенциализма» (или субстанциализма) и «номинализма» (или инструментализма). К эссенциализму можно отнести примордиализм и историцизм, к номинализму —

функционализм и марксизм» [20, с. 117]. Такая типология не охватывает всей палитры современных подходов к нации и национализму.

Вместе с тем В. С. Малахов предпринимает попытку расширения двоичной типологии за счет введения третьего альтернативного подхода к изучению феноменов наций и национализма — социально-конструктивистского, основываясь на том, что сторонники конструктивизма пытаются уйти от крайностей объективизма и субъективизма. Известный отечественный философ И. Т. Касавин отмечает, что «в широком понимании конструктивизм — это исследовательская позиция, обусловленная необходимостью понимания процессов самоорганизации в природе и обществе, согласно которой конструирование является универсальным механизмом их генезиса. Следовательно, обоснование и объяснение социальных явлений лежит не в человеческой субъективности, а в самой природе социального» [21, с. 5–14].

В связи с анализом национализма в рамках парадигмы социального конструктивизма В. С. Малахов пишет: «К сожалению, социально конструктивистская методология в литературе о национализме подверглась аберрации, а точнее, вульгаризации. Утверждение, согласно которому нации суть социальные конструкты, означает прежде всего то, что они возникли в ходе социальной деятельности и социального взаимодействия, т.е. произведены людьми, «сотворены» под воздействием разного рода социально-исторических обстоятельств. Однако очень многие авторы, как российские, так и зарубежные, склонны редуцировать социальное конструирование к сознательному манипулированию, фабрикации. Равным образом тезис о нациях как «воображаемых сообществах» они склонны понимать как утверждение их «вымышленности», «нереальности...» [20, с. 119–120]. По мнению В. С. Малахова, при отказе от вульгаризации социального конструктивизма, он дает возможность «преодолеть непродуктивное размежевание эссенциализма и номинализма» [20, с. 120]. В соответствии с теоретико-методологическими взглядами В. С. Малахова, конструктивизм смыкается с натурализмом (примордиализмом, эссенциализмом), объясняя происхождение национализмов и наций объективными культурными и социально-экономическими факторами. Также конструктивизм смыкается и с субъективизмом (инструментализмом, номинализмом) в ходе объяснения происхождения национализмов, учитывая в качестве важнейшего фактора формирования наций деятельность интеллектуалов, порождающих националистический дискурс и включающих элиты в проекты нациестроительства.

Таким образом, несмотря на продекларированную двоичную типологию, на деле В. С. Малаховым приводится распространенная в различных вариантах троичная типология исследовательских парадигм наций и национализмов, где в интерпретации В. С. Малахова социальному конструктивизму отводится роль теории, позволяющей избежать крайностей объективистского и субъективистского подходов. Действительно, социальный конструктивизм, реализующий действие «мягких» факторных принципов позволяет избежать вульгарных крайностей объективизма и субъективизма. При анализе конкретных проектов нациестроительства, конструктивисты получают уникальные комбинации объективных и субъективных факторов, делая

акцент на социальной природе нации, объективируя субъективное. При этом конструктивисты не нашли общего основания успешности проектов нациестроительства. Они ставят ее в зависимость от соответствия программ элит, культурным, социально-экономическим и политическим условиям развития общества.

В ходе теоретического осмысления национальных проблем в отечественном нациеведении сложились объективистское и субъективистское понимания природы нации, а также были предприняты попытки их синтеза. Соответственно этому в науке сложились три парадигмы, истолковывающие природу нации и национализма. Первая: нация и национализм как историческая данность, как выражение этничности (натуралистический подход, эссенциализм или примордиализм). Вторая: нация и национализм как социальный конструкт (конструктивистский подход). Третья: нация как «фальсификация», как фикция, как идеологический ответ на определенные вызовы (номинализм или инструменталистский подход). Объективистское понимание природы нации присуще сторонникам примордиализма, в то время как инструменталисты связывают существование наций преимущественно с субъективной деятельностью людей.

Современное состояние нациопонимания в России в общих чертах связано с западным. Его состояние можно выразить с помощью метафоры, сравнив его со спортивной командой. Зададимся вопросом, что позволяет людям стать успешной спортивной командой (нацией)?

С точки зрения примордиалиста, это форма клуба, которую надели все спортсмены. При этом для примордиалиста важно, чтобы у этой формы имелась богатая история и традиции. Но как быть, если создается новый клуб? Сделает ли одинаковая форма спортсменов командой? Нет.

Инструменталисты начнут свой анализ команды с общего интереса, объединяющего игроков. Это может быть желание выиграть значимый турнир, выделившись из подобных команд, заработав при этом значительные деньги (получив ресурсы). Однако интересы людей непостоянны. Игроков могут переманить другие клубы или они перестанут заниматься этим видом спорта. Позволят ли в этом случае устаревшие субъективные интересы команде сохраниться? Многие команды не переживают таких кризисов. Но по задумке их создателей команды должны существовать успешно и долго. Очевидно, что на историческую перспективу инструментализм ограничен в объяснении природы нации.

Социальные конструктивисты, делая акцент в объяснении того, как спортсмены становятся командой на социальные факторы, определяющие субъективную деятельность людей, стараются избежать крайностей примордиализма и инструментализма. Они учтут роль создателей клуба и интересы спортсменов, соотнося их с состоянием данного вида спорта и его социальной значимостью. У конструктивистов получится некий набор факторов, позволивших или не позволивших конкретным людям стать командой. При этом в каждом случае факторы будут разными. При таком объяснении рождения команды (нации) конструктивисту уместно задать лишь один вопрос. А есть ли универсальный фактор, определяющий успешность процесса становления команды (процесса нациестроительства)? На этот вопрос конструктивист не сможет дать однозначного ответа, соотнося объективные

и субъективные факторы (либо объективируя субъективные).

В рамках конструктивистской парадигмы невозможно будет объяснить победу молодой команды, состоящей из малоизвестных игроков, над титулованным клубом, укомплектованным звездами. Спортсмен объяснит такой успех общим эмоциональным настроением команды, когда каждый игрок разделял общие эмоции, ставшие коллективным аффектом. Правильно организованные эмоции молодой команды способны взять верх над давней историей и традициями титулованного клуба. На наш взгляд, подобным образом, в обязательном порядке учитывая эмоциональную составляющую проектов нациестроительства, можно объяснить их успешность или неуспешность. Не отрицая значимости объективных и субъективных факторов, которые в ходе анализа процесса нациестроительства приведет конструктивист, подчеркнем, что правильно организованные эмоции являются универсальной основой эффективности националистического дискурса и успешного существования наций.

Возвращаясь к проблеме демаркации подходов к изучению наций и национализмов в отечественном нациопонимании (в настоящий момент тесно связанным с западной традицией), осознавая методологические недостатки существующих типологий, в которых акцент делается на те или иные факторы (культурные, политические или социально-экономические) согласимся с мнением В. В. Коротеевой. Отечественная исследовательница зарубежных теорий национализма предлагает подход к типологии в зависимости от универсальности или локальности теории (такие теории, на ее взгляд, различаются углом зрения и преимущественным объектом внимания). В. В. Коротеева аргументированно пишет: «Итак, казалось бы, изящное и удобное выделение двух типов теорий, один из которых, по разному определяемый, но скорее мифический примордиализм, а другой — модернизм, конструктивизм или инструментализм, не очень помогает в классификации современных теорий. Можно предложить принципиально иные способы упорядочить картину теоретического поля. Самый простой из них — по тому, насколько предлагаемые теории претендуют на универсальные объяснения феномена национализма» [22, с. 14].

Действительно, очевидно, что деление теорий на объективистские и субъективистские, постановка акцентов на отдельных чертах и особенностях наций и национализма не приносят удовлетворительного результата. При этом попытки выработки универсального объяснения национализма встречают острую критику среди ученых, связанную с упущениями тех или иных существенных факторов развития наций и национализмов. В этой ситуации правильнее вести речь о «синтетическом» (универсальном) объяснении феноменов наций и национализмов, синтезирующем характеристики отдельных теорий, и о локальных теориях, призванных обеспечить детальное изучение своеобразия отдельных наций и национализмов. «Синтетическая» теория национализма должна соответствовать требованиям к универсальной теории, вносящей новое знание в современное нациеведение, объединяющей сильные стороны разных концепций и нивелирующей их недостатки.

В заключение выделим исторические особенности нациопонимания в России. Во-первых, изучение национализма было связано с острой политической

борьбой, которая велась между сторонниками западного пути развития страны, сторонниками разных политических идеологий (либералами и социалистами), со сторонниками самобытного цивилизационного развития России, осуществлявшими разработку различных вариантов «русской идеи» (русский мессианизм, панславизм и собственно русский национализм). В России складывалось самобытное религиозно-философское направление нациопонимания. Но его развитие было прервано революцией и Гражданской войной. Во-вторых, развитие нациопонимания в СССР шло в русле модернистской парадигмы и не имело альтернатив, будучи в высшей степени политически ангажированным. В результате советские ученые в области нациопонимания серьезно отстали от западной науки, где между учеными плодотворно велись острые концептуальные дискуссии. В-третьих, ренессанс «русской идеи» в конце XX века, не стал определяющим для развития современной отечественной нациеведческой мысли. В условиях методологического плюрализма современное российское нациопонимание успешно освоило основные западные парадигмы и постепенно интегрируется в мировую науку, творчески развивая идеи, существующие в ней. Отечественные нациеведы в своих работах воспроизводят одну из западных типологий существующих подходов к нациопониманию. При этом, несмотря на то что в российской традиции нация обычно безальтернативно связывается с этничностью, она не выделяет «этносимволизм» в особую парадигму.

Примечания

¹ Модернизм — группа теорий, объясняющих возникновение национализмов и наций в связи с капиталистической модернизацией западных обществ, начавшейся в Новое время. Этносимволизм — группа теорий, объясняющих возникновение национализмов и наций на основе мифов, традиций и символов этнического наследия, используемых в процессах нациестроительства интеллигенций.

² Примордиализм — группа теорий, утверждающих, что прототипы наций и национализмов восходят к родоплеменным группам, связанным общей историей и территорией проживания. Инструментализм — группа теорий, объясняющих возникновение национализмов и наций манипуляциями элит и интеллигенции, вовлекающих массы в процессы нациестроительства. Конструктивизм — группа теорий, рассматривающих национализмы и нации как «воображаемые сообщества», продукт идеологического дискурса государства и элит в условиях «печатного капитализма».

Библиографический список

1. Мосунова Н. А., Корнев Г. П. Нациопонимание: поиск объективных оснований и социальное конструирование. СПб.: Алетейя, 2012. 184 с.
2. Нация и империя в русской мысли начала XX века. М.: Издат. группа «СКИМЕНЪ», Издат. дом «ПРЕНСА», 2004. 352 с.
3. Летняков Д. Э. Н. М. Карамзин и зарождение националистического дискурса в России // История философии. 2016. Т. 21. № 1. С. 72–86.

4. Миллер А. И. Нация, или Могущество Мифа. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2016. 146 с.
5. Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. — 1991 г.): коллективн. моногр. / Отв. ред. В. В. Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 783 с.
6. Русская философия: слов. / Под общ. ред. М. А. Маслина. М.: Республика, 1995. 655 с.
7. Булгаков С. Н. Размышления о национальности // Вопросы философии и психологии. 1910. Кн. III (103). С. 385–412.
8. Мнацакян М. О. Нации в современном глобальном мире. Модернистские, конструктивистские и постмодернистские теории. М.: Анкил, 2011. 324 с.
9. Сталин И. В. Национальный вопрос и ленинизм // О национальном вопросе: сб. ст. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2014. 127 с.
10. Фадеичева М. А. Нация и человек в советской концепции новой исторической общности людей // Науч. ежегодник Института философии и права Уральского отд-ния РАН. 2005. № 6. С. 230–243.
11. Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.
12. Новоселов О. Н. Русская православная судьба. Религиозно-философское исследование. Киров, 1997. 560 с.
13. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 544 с.
14. Митрополит Иоанн. Русская симфония. Очерки русской историософии. — СПб.: Изд-во «Царское дело», 1998. 494 с.
15. Кива А. В большом сознании великое не рождается // Российская газета. 1998. 12 февраля.
16. Меркулов Д. Что показал конкурс (контент-анализ публикаций «Российской газеты») // Российская газета. 1998. 1 августа.
17. Нехаев А. В. Теории наций и национализмов: проблема классификации // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2016. № 2. С. 36–46.
18. Национализм в мировой истории / Под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2007. 601 с.
19. Арутюнян Ю. В., Дробижина Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М.: Аспект Пресс, 1999. 271 с.
20. Малахов В. С. Национализм как политическая идеология: учеб. пособие. — М.: КДУ, 2005. 320 с.
21. Касавин И. Т. Конструктивизм: заявленные программы и нерешенные проблемы // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. XV, № 1. С. 5–14.
22. Коротеева В. В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М.: РГГУ, 1998. 140 с.

СУШКО Алексей Владимирович, доктор исторических наук, доцент (Россия), заведующий кафедрой отечественной истории Омского государственного технического университета; профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Омского автобронетанкового инженерного института.

Адрес для переписки: Alexsushko@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 27.01.2017 г.

© А. В. Сушко

ОТ ФРИДРИХА НИЦШЕ К ЮРГЕНУ ХАБЕРМАСУ: ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ МОДЕРНА И СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ КРИТИКА

В статье осуществлен сравнительный анализ различных проектов модерна. Дискуссии вокруг этих проектов образуют ядро современной социальной критики. Одним из таких последних проектов альтернативного будущего для мира модерна стала философия коммуникативного действия Юргена Хабермаса, констатирующего разрыв жизненного мира человека и бюрократического государственного управления экономики, влекущего за собой психическое отчуждение человека. В качестве варианта выхода из сложившейся ситуации он предлагает синтезировать идею целерациональности капитализма и идею труда на основе взаимодействия людей. В постиндустриальном мире, по мнению Хабермаса, инструментальный разум должен уступить место разуму коммуникативному. Согласно Хабермасу, коммуникативное действие позволит избежать наиболее одиозных ошибок модерна: одномерности сознания человека, психического отчуждения и обезличенности труда. Предложенный им проект и развернутая на его основе социальная критика мира модерна актуальны для обращения к ним современной мировой и российской элиты.

Ключевые слова: проект будущего, психическое отчуждение, революция, теория коммуникативного действия.

1. Дискурс о модерне. Говоря о проекте будущего России, нам приходится констатировать, что пока контуры этого будущего неотчетливы и с трудом просматриваются. Связано это, прежде всего, с тем, что подобного рода проект не является актуальным для современного мира, живущего настоящим днем. Закономерно или нет, но, забывая о прошлом, о традиции, мы в принципе разучились жить в вечности, но, потеряв прошлое, мы рискуем потерять и будущее. Восстанавливая утраченную современностью темпоральность, обратимся к истории. Мировая история может быть представлена как последовательная смена трех масштабных эпох [1].

Первой эпохой была доисторическая архаика — эпоха господства общинного мифа и «мысленного», когда мир заколдован и у человека не хватало дерзости, а главное — инструментов, чтобы его расколдовать; община в это время устроена горизонтально, все пребывают в равных статусах.

С распадом общины ситуация кардинально меняется: происходит постепенное становление «я-сознания» с последующим присвоением этим Я-субъектом средств труда. Пребывая во власти субъекта, эти средства труда становятся орудием по расколдовыванию мира; вооружившись ими, человек приступил к приручению мира, дабы таким образом избавиться себя от чувства страха перед неизведанным, так долго мучавшим его посредством инстинкта самосохранения. С этого момента горизонталь равноправных общинных отношений выстраивается в вертикаль власти и, как следствие, возникает государство, опирающееся на сослов-

ную иерархию, на вершине которой располагается аристократия, выступающая ее незаменимым гарантом. Именно аристократия устанавливает приоритет Разума над Природой и в лице философа Ксенофонта провозглашает первый в истории проект рациональности.

Последующая история представляет собой, как справедливо заметили Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно [2–3], — диалектику разума, которая уже к XVI веку дала свои плоды, породив эпоху «классического» модерна (the Modernity), а также всю связанную с этой эпохой культуру современности, в основу которой легли:

- развитие наук;
- как следствие, реальность профанного как концепт, пришедший на смену представлению пре-модерна о сакральном;
- принцип индивидуализма;
- замена Бога человеком;
- промышленное производство;
- капитализм;
- классовое общество.

Таким образом, проект модерна, зародившись в XVI веке и постепенно разрастаясь в Европе и даже в России вплоть до VIII века, в XIX веке встал на распутье, что выразилось в появлении трех проектов «нового» модерна:

1. Ницшеанский проект, порывающий с бивалентной рациональностью, придающей цель и смысл сущему, исходя из степени приближенности сущего к идеалу. Неклассическое мышление, которое Ф. Ницше демонстрирует в идее вечного возвращения, понимает все сущее самоцельным

самим в себе, без апелляции к первоначальному. В идее вечного возвращения проект Ницше усматривает различное, элиминируя повторение, обосновывая сингулярный ход истории. То есть такой ход истории, который не обусловлен никаким его идеальным образом, никаким представлением о нем, а исходит из себя самого, из каждой точки различных событий.

2. Проект правого гегельянства, продолжающий культивировать разум и представлять все происходящие исторические события как необходимый фатумный ход Абсолютного духа. Это направление мысли особенно поддерживалось консервативными элитами Германии, лоббирующими свои капиталистические интересы (отсюда же берет свое начало и немецкий национал-социализм).

3. Проект левого гегельянства, воспринявший диалектику Георга Гегеля и его мысли об обществе как форме исторического развития человеческого духа. В русской культуре гегельянство, в частности, нашло свой выход через Михаила Бакунина, который воспринял гегельянскую диалектику как обоснование практики бунта (антитезис, противоречие и скачок). Вдохновленный гегельянскими идеями Бакунин провозглашал, что радость разрушения есть творческая радость [4].

Свое полное воплощение проект левого гегельянства нашел, прежде всего, в различных идеолого-философских течениях марксизма.

2. Наследие Карла Маркса и «новый» мир модерна. Используя гегельянскую идею диалектического развития человеческого духа, Карл Маркс поместил человека и его интересы в центр своих рассуждений. Условия общественной жизни людей, формируемые частной собственностью на средства производства в рамках капитализма (ярко отстаиваемого и пропагандируемого правым гегельянством), порождают отчуждение человека от результатов его труда, деформирующее, уродующее и человека, и человечество. Поэтому лейтмотивом творчества Маркса становится сам человек, во имя которого он и создает свой «коммунистический» проект «нового» модерна.

С марксистской точки зрения, в рамках феодального общества возникает новая, капиталистическая система производства, в которой, благодаря особому товару — труду, возникает капитал, производящий себя сам (деньги, делающие деньги). Эта система оказывается очень эффективной и устойчивой. Вокруг неё располагается традиционная система власти, основанная на освященной религией традиции власти от Бога. Эта система власти не в состоянии сдерживать и остановить систему производства. Будучи младогегельянцем и опираясь на диалектику Гегеля в своей критике политической экономии, Маркс отмечает: на известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает период социальной революции, где всё большую роль играет пролетариат, который постепенно организовывался политически. Роль пролетариата в рамках общества нарастала, он все лучше осознавал свое положение и все яснее видел перспективу, которую, как справедливо заметил В. В. Николин [5, с. 398], Маркс и пытался

донести до класса эксплуатируемых в своем «Капитале».

Все это, по мнению Маркса, предвещало движение капиталистического общества к мировой пролетарской революции, в ходе которой исчерпавшее себя паразитическое сословие будет заменено пролетариями, которые как производили, так и будут производить, но теперь не для эксплуататоров, а для себя. Маркс ждал ее наступления целых 12 лет, но в 1883 году умер разочарованным.

Однако подлинный бич марксизма в том, что для мира XXI века он морально устарел. Когда Маркс писал о рабочем классе и грядущей мировой пролетарской революции, он не принимал в расчет то, что рабочий класс будет вырождаться как таковой, что однажды его заменят машина и автомат. Во второй половине XX века это обстоятельство, казалось бы, вполне осознал неомарксизм, требуя передать бразды правления интеллектуальной молодежи, способной к управлению машинами. Но и молодежные революции 60-х потерпели крах. Неомарксизм также ошибся в своих требованиях, ибо не учел, что автоматизация эволюционировала в сериацию.

3. Проекты модернизации России: к вопросу о конструктивности российского модерна. Сегодня мы можем подвести главные итоги XX столетия. Очевидно, что в XX веке Западная Европа и Россия пошли по двум разным путям, реализуя два разных проекта модерна: правого гегельянства и левого, капитализма и социализма. Но почему же, вопреки предсказаниям Маркса, в Западной Европе так и не состоялась социалистическая революция, несмотря на развитое рабочее движение? Неужели немецкое массовое сознание так сильно подвержено тотальному контролю власти, что не смогло дать отпор его капиталистической идеологии. Американский социолог Джек Голдстоун [6, с. 12] недаром выделяет два типа объединений, совершающих революцию: героический и массовый. В первом случае революцию совершают идейно осознанные люди, понимающие те цели и задачи революции, ради которых они выходят на баррикады. Во втором случае — это обиженная и оскорбленная толпа, которая жаждет мести, если ее не приручить и не создать иллюзию благополучия и комфорта, чем, собственно, и занимается капиталистическая машина, создавая и орудуя огромной культурной индустрией.

Однако, так или иначе, на сегодняшний день проект модерна в Европе завершен. И мы уже можем его анализировать и извлекать уроки. В то время как Россия сегодня только стремится реализовать полностью этот проект: развивает науку, инвестирует (модернизирует) технику, содействующую дальнейшему разрыву между человеком и природой, в том числе и с самим собой (через сопровождающее подобный разрыв отчуждение). В борьбе с природой человек подавляет свои настоящие желания, руководствуясь принципом «нормальности». Образ же «нормальности» формируется классической рациональностью в лице ее апогея — капитализма и вещных ценностей, осуществляет тотальный контроль за настроением личности и предлагает множество вариантов «устранения» негативного, потенциально опасного голоса «против» такой системы вещей, используя выявленную В. Пелевиным капиталистическую технологию «Вау-фактора» [7].

Россия в октябре 1917 попыталась выйти на левогегельянский проект «нового» модерна К. Маркса. В 90-е этот проект был признан несостоятельным. Вновь вступили в противоречие произ-

водительные силы и производственные отношения, и, как результат, мы вернулись к правогогелянскому проекту модерна в рамках капитализма. Но, оглядываясь на Запад, в котором проект модерна уже завершен, можно ли сказать, что подобный проект модерна оказался конструктивен? Можно ли сказать, что необходимо продвигать его? К чему в итоге мы придем?

Осмысливая перспективы развития мира модерна, можно согласиться с Юргеном Хабермасом [8–10; а также см.: 11], который рассматривает отношение системы капитализма и жизненного мира человека и констатирует потерю подлинности человека в рамках капитализма. Почему так происходит? Дело в том, что революция, происходящая в базисе, представляет собой «котел», который варится сам по себе. Маркс предполагает, что изменения в базисе должны давать и соответствующие трансформации надстройки, а значит, рано или поздно должно исчезнуть и отчуждение человека от производства ненужных ему товаров, когда он начнет понимать, что делает это ради воплощения высших идеалов. Но на самом деле этого не происходит, так как логика надстроечных элементов и рациональность институтов общества не совпадает с внутренней логикой самого производства. Так происходит разрыв жизненного мира человека и бюрократического государственного управления экономики. Поэтому принуждение и отчуждение экономическое, против которого боролся Маркс, как следствие, сменяется отчуждением и принуждением психическим.

Такое тоталитарное воздействие экономики на сознание людей ведет к психосоциальному обнищанию. Поэтому сегодня можно констатировать интерес и стремление со стороны человека не к экономическому, а, прежде всего, к психическому освобождению.

Выход из этой ситуации Хабермас видит в синтезе капитализма и социализма. При этом от капитализма он оставляет функцию целерациональности, а от социализма — функцию труда на основе взаимодействия людей. В постиндустриальном мире, по мнению Хабермаса, инструментальный разум должен уступить место разуму коммуникативному. Ошибка Маркса заключалась в том, что он замыкался внутри экономической логики производства, Хабермас же предлагает иной, более широкий взгляд на мир модерна, он предлагает нам переместить взгляд на логику самой власти и её институтов, в том смысле, что эти институты детерминируют как общество, так и производство. При этом, в отличие от других адептов левоегелянского проекта модерна, напоподобие Герберта Маркузе, противопоставляющего труд как действие одинокого человека Эросу [например, см.: 12, с. 47–48, а также см.: 13], Хабермас ищет иную структуру труда, в котором есть и действие одиночного индивида, и его коммуникация с другим. Он находит в самом труде синтетический характер, который позволяет избавиться человека от психического отчуждения и изменить отношения людей к труду без утопичного и радикального отказа от него. В условиях коммуникативного действия оказывается возможна и согласованная с революцией в базисе революция в надстройке. Разумеется, это ничего не меняет в отчуждении человека. Базис все время эволюционирует, однако философская рефлексия, пробуждающая коммуникативное действие, способна сдерживать их разрыв.

В отличие от Запада, Россия в настоящий момент имеет одно неоспоримое преимущество, она все еще не познала наследующий миру модерна постмодерн и свойственную последнему временную одномерность (настоящего). Поэтому, прибегая к традиционной технике темпоральности, учитывающей все три временных проекта (прошлое, настоящее и будущее), сегодня мы имеем возможность учитывать уроки прошлого и, используя исторический опыт Запада, отталкиваясь от него, выстраивать свой собственный проект будущего. И таким проектом, на наш взгляд, для России может стать мир коммуникативного действия Юргена Хабермаса (созданный, но проигнорированный самим Западом). Преодоление психического отчуждения благодаря живому коммуникативному действию — вот та важнейшая задача, которая стоит перед современным русским человеком.

Библиографический список

1. Дугин А. Социология Воображения. Раздел III. Пре-модерн-модерн-постмодерн. URL: <http://www.imaginaire.ru/content/dugin-sociologiya-voobrazheniya-razdel-iiipremodern-modern-postmodern> (дата обращения: 01.02.2017).
2. Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика Просвещения: философские фрагменты. М., СПб.: Медиум, Ювента, 1997. 312 с.
3. Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума. М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2011. 224 с.
4. Бакунин М. А. Реакция в Германии. URL: <http://knowledge1871.narod.ru/Anarhism/Bakunin/ReactionInGermany.htm> (дата обращения: 01.02.2017).
5. Николин В. В. Немецкая классическая философия. Г. В. Ф. Гегель: актуальность системы и история самосознания. Диалектика всеобщего в методологии Карла Маркса. Омск: ОмГПУ, 2011. 449 с.
6. Голдстоун Дж. А. Революции. Очень краткое введение. М.: Институт Гайдара, 2015. 192 с.
7. Пелевин В. О. Поколение «П». URL: http://www.libok.net/writer/1569/kniga/6813/pelevin_viktor_olegovich/pokolenie_p (дата обращения 01.02.2017).
8. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма. URL: http://textbook.news/sotsiologiya_827_829/yurgen-habermas-otnosheniya-mejdu-sistemoy-58571.html (дата обращения: 01.02.2017).
9. Habermas J. Future of Human Nature. Cambridge: Polity Press, 2003. 127 p.
10. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / пер. с нем. М.: Весь Мир, 2003. 416 с.
11. Payrow Shabani, Omid A. Democracy, Power and Legitimacy: The Critical Theory of Jürgen Habermas. URL: https://books.google.ru/books?ie=UTF8&vid=ISBN0802087612&id=tKDU3l3c960C&pg=PA49&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 31.01. 2017).
12. Маркузе Г. Эрос и цивилизация // Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2003. С. 5–250.
13. Маркузе Г. Разум и революция. Гегель и становление социальной теории / Г. Маркузе. СПб.: Владимир Даль, 2000. 541 с.

ЦВЕТУХИНА Екатерина Андреевна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и социальных коммуникаций. Адрес для переписки: kat.kalach@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.02.2017 г.

© Е. А. Цветухина

ЛИБЕРТАРИАНСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВЗГЛЯДОВ АРИСТОТЕЛЯ НА ПРОБЛЕМУ СВОБОДЫ ВОЛИ

В статье анализируются взгляды Аристотеля на проблему свободы воли. Эти взгляды могут быть проинтерпретированы как либертарианская теория агента-причины. Подобная интерпретация основывается на понятии случая или самопроизвольности как пятой причины существования вещей, а также на определении произвольных поступков в философии Аристотеля. Если к четырем причинам существования вещей (материальная, формальная, движущая и целевая) добавить случай или самопроизвольность, то можно рассматривать учение Аристотеля как аргумент в защиту индетерминизма. Аристотель выделял три вида поступков: произвольные, смешанные и произвольные — последние определялись им как такие поступки, при которых главную роль играет мотив, т.е. нечто внутри человека, что свидетельствует о видении причин поступков агентов в них самих, что соответствует принципам теории агента-причины. В статье также рассматривается влияние взглядов Аристотеля на развитие либертарианства в спорах о свободе воли на примере разделения каузальных отношений на транзиентные и имманентные, предложенного Р. Чизолмом, и сформулированного Р. Кейном принципа первичной ответственности.

Ключевые слова: Аристотель, проблема свободы воли, либертарианство, индетерминизм, теория агента-причины.

Становление философии Нового времени во многом заключалось в преодолении и критике философии Аристотеля [1, с. 193]. Однако начиная с XX века к наследию Аристотеля начинают все чаще обращаться в самых разных областях философии: этике [2, 3], метафизике [4], философии сознания [5] и др. В нашем исследовании мы постараемся показать, что взгляды Аристотеля на свободу воли могут быть истолкованы как современная теория агента-причины (agent-causal) — разновидность либертарианской теории свободы воли. Существующие между взглядами Аристотеля и либертарианства параллели отсылают нас к дебатам по проблеме свободы воли — одной из тех проблем, которая интересует как профессиональных философов, так и людей достаточно далеких от философии.

Базовыми понятиями, которые будут использоваться в нашем исследовании, являются *детерминизм*, *индетерминизм*, *либертарианство*, *компатибилизм* и *инкомпатибилизм*. *Детерминизм* — теория о том, что все в мире предопределено либо законами природы, либо социальными факторами, либо решением богов. Если детерминизм верен, то при одном прошлом возможен только один вариант будущего. *Индетерминизм* — позиция, согласно которой все происходящие события имеют вероятностный характер, а значит, возможны несколько различных вариантов будущего. Одна из теорий свободы воли, совместимых с положениями индетерминизма, называется *либертарианством*. Её сторонники отрицают детерминизм и утверждают, что свобода воли существует. Согласно

компатибилизму детерминизм и свобода воли совместимы, соответственно, *инкомпатибилизм* утверждает обратное, свобода воли и детерминизм — взаимоисключающие понятия.

Традиционная проблема свободы воли возникла ещё в античные времена и выражалась в конфликте между свободой и одной из форм детерминизма. В древних мифах и легендах прослеживается компатибилистский взгляд на свободу воли: устройство мира полностью объяснялось с помощью ряда всемогущих богов, которые могли предвидеть будущее, однако главные герои этих мифов самостоятельно принимали решения и несли ответственность за свои поступки. Однако античные авторы старались не поднимать вопрос совместимости теологического детерминизма и свободы воли из-за страха разгневать богов. Сократ, Платон, пифагорейцы пытались решить данную проблему. Демокрит и его полудесятилетний учитель Левкипп пытались доказать, что судьба человека не зависит от воли богов, как утверждали их предшественники и что ответственность за наши поступки лежит на нас самих, но, по иронии, принцип жесткого детерминизма, изобретенный Левкиппом, привел к развитию идей детерминизма [6].

Исследование учений древнегреческих философов о причинах бытия наводит на мысль о том, что взгляды Аристотеля по данной проблеме значительно отличаются от учений его предшественников. Его позиция относительно споров о свободе воли может быть истолкована как теория агента-причины. Теория агента-причины — это либертарианская

теория о том, что агенты могут сами создавать причины для своих действий, которые не предопределены прошлыми событиями или законами природы [7, с. 192]. Чтобы доказать уместность подобной интерпретации, далее будет предпринят анализ того, как соотносятся взгляды Аристотеля на причинность как таковую с его идеями относительно свободы воли.

В своей «Физике» Аристотель предлагает собственную теорию о причинах всего сущего. Существует четыре рода причин, которые соответственно называются материальной, формальной, движущей и целевой причиной [1, с. 204]. Например, материальной причиной статуи является мрамор, её сущность является формальной причиной, движущей причиной будет то, что мрамор обрабатывается резцом, а целевой — цель, для которой скульптор её создал. Таким образом, любое событие, согласно Аристотелю, предопределено рядом причин, и это скорее является аргументом «против» индетерминизма, чем аргументом «за». Однако позже он добавляет ещё один фактор, который вполне может претендовать на роль пятой причины: «В числе причин называют также случай и самопроизвольность, и, говорят, что многое и существует и возникает благодаря случаю и самопроизвольно» [8, с. 90]. Можно сделать вывод, что идея Аристотеля о случайных событиях выглядит новаторской на фоне его предшественников, которые отвергали случай как возможную причину всего происходящего или же просто умалчивали об этом, а также отнести данное учение Аристотеля к аргументам в пользу индетерминизма.

Теперь рассмотрим, что писал Аристотель по поводу совместимости детерминизма, свободы воли и ответственности агентов за свои поступки. Начало 3-й книги «Никомаховой этики» посвящено определению произвольных и непроизвольных поступков, а также проблеме сознательного выбора. Есть поступки произвольные, непроизвольные и смешанные. Согласно Аристотелю, при произвольных действиях главную роль играет мотив, то есть нечто внутри человека, а следовательно, произвольные действия зависят от нас самих, и люди должны нести ответственность за них.

Сторонники детерминизма могут возразить, что все поступки предопределены характером, за который агенты не ответственны, так как он формировался в детстве под влиянием различных общественных институтов, а также зависит от генетической наследственности, за которую невозможно нести ответственность, а значит, речь о моральной ответственности за данные поступки идти не может. В ответ на это Аристотель писал, что, действительно, некоторые черты характера являются врожденными, и это ограничивает свободу. Тем не менее люди способны исправлять свой характер. Если характер предопределяет поступки, а люди ответственны хотя бы за некоторые черты своего характера, то они несут моральную ответственность и за свои поступки. «Однако поступки и [нравственные] устои произвольны не в одном и том же смысле: поступки от начала и до конца в нашей власти, и мы знаем [все] отдельные обстоятельства, а [нравственные] устои [или склад души, в нашей власти только] вначале, и постепенное их складывание происходит незаметно, как то бывает с болезнями. Но поскольку от нас зависит так или иначе распорядиться [началом], постольку [устои] произвольны» [9, с. 108].

Видение причин поступков агентов в них самих, а также убежденность в том, что люди должны нести ответственность за свои действия, как нельзя более точно характеризует Аристотеля как приверженца теории агента-причины.

Согласно принципам теории агента-причины, свободный агент может поступать по-разному исходя из одних и тех же предшествующих событий, обстоятельств, а также законов природы, так как агенты сами по себе являются причинами своих свободных поступков. Родерик Чизолм, известный защитник данной теории, выделяет два вида каузальных отношений между агентом и поступком — транзитный (*transeunt causation*) и имманентный (*immanent causation*). Для объяснения разницы между этими двумя типами каузации Чизолм использует собственную трактовку отрывка из 8-й книги «Физики» Аристотеля. Привычная нам причинно-следственная связь между двумя событиями называется транзитной, когда, например, камень был сдвинут движением палки, которое, в свою очередь, было вызвано движением руки, которое было вызвано сокращением мышц. Имманентная причинность же предполагает, что одно из событий, которое вызвало данное происшествие и которое предположительно связано с деятельностью мозга, было вызвано самим агентом, а не предшествующим событием. То есть сдвиг камня был вызван движением палки, которую сдвинула рука человека, которую привел в движение человек, но сам он не приводился в движение ничем другим [10, р. 24–29].

Задача всякой либертарианской теории заключается не только в том, чтобы показать, как человек может совершать некоторые действия независимо от предшествующих состояний мира, но также и объяснить, почему он несет за них ответственность. Роберт Кейн, один из современных апологетов либертарианства, упоминает идею Аристотеля о том, что агенты ответственны даже за те свои поступки, причинами которых стали определенные черты характера, так как они ответственны за то, что именно эти черты были сформированы когда-то в прошлом [6, р. 120–123]. Это позволяет возлагать на человека первичную ответственность. Основная идея принципа первичной ответственности заключается в следующем: чтобы быть ответственным за свои поступки, агент должен быть ответственным за все, что является существенной причиной, поводом или мотивом этого поступка. Например, если определенное решение может быть значимо объяснено характером агента и его мотивами, тогда, чтобы быть первично ответственным за свое решение, агент должен быть частично ответственен за решения и действия, которые совершались агентом в прошлом и повлияли на формирование определенных черт характера и мотивов, которые присутствуют агенту в настоящем [6, р. 121].

Но какую же роль играет принцип первичной ответственности в дебатах о свободе воли? Чтобы доказать, что свобода воли есть, и она несомнима с детерминизмом, либертарианцы используют два условия для свободы воли — принцип альтернативных возможностей (*alternative possibilities* — AP) и принцип первичной ответственности (*ultimate responsibility* — UR). Как пишет Кейн в своей работе «Free Will: The Elusive Ideal», хотя принцип альтернативных возможностей является необходимым условием, для инкомпатибилистской свободы нужна именно первичная ответственность для опровержения компатибилизма. Если вы считаете

AP необходимым условием для хоть каких-нибудь свободных действий, но принимаете UR, то интуитивно вы являетесь компатибилизмом. Но если вы думаете, что свободные действия должны включать в себя AP и UR, то вы абсолютно точно являетесь инкомпатибилизмом [11, р. 33].

Мы помним, что среди прочих причин (материальная, формальная, движущая, целевая, случай), которые упоминаются Аристотелем в его трудах, можно выделить агента как первоисточника своих поступков. Если агент является причиной своих действий, следовательно, он свободен поступать согласно своей воле, а значит, он несет ответственность за свои поступки. Многие поступки могут объясняться определенными чертами характера агента, за который он, казалось бы, не ответственен. Однако, согласно Аристотелю, человек ответствен за свой характер, так как он ответствен за свои прошлые действия, которые повлияли на формирование именно таких качеств, а также сознательный человек может корректировать некоторые черты своего характера.

В статье Гэри Уотсона «Responsibility and the Limits of Evil: Variations on a Strawsonian Theme» можно обнаружить отличную иллюстрацию подобным «либертарианским» взглядам Аристотеля. Гэри Уотсон предлагает рассмотреть дело Роберта Харриса, приговоренного к смертной казне за жестокое убийство двух подростков. Никто из родственников или друзей Харриса не был удивлен тем, как закончил свою жизнь Роберт. В 15 лет он был осужден за угон автомобиля, чуть позже дважды арестован за жестокое обращение с животными и обвинен в непредумышленном убийстве соседа. Младший брат Роберта Даниэль Харрис, который был с ним в день убийства мальчиков, рассказывал, как он пристрелил их, смеясь при этом, а потом спокойно съел ланч убитых. Даже сокамерники Харриса отзывались о нем как о крайне неприятном человеке. Но сестра Роберта Барбара рассказала, что в детстве он был чутким и нежным ребенком, который крайне трепетно относится к животным и очень любил свою мать. В их семье было пятеро детей, денег на жизнь не хватало, а мать Роберта, вечно уставшая от работы, ненавидела своего младшего ребенка и винила его во всех своих проблемах. Нелюбимый своей же матерью, Роберт не имел друзей: у него был дефект речи, и все его одноклассники издевались над ним [12, р. 134–137]. И сейчас кажется, что Харрис, родившийся в неблагополучной семье, выросший среди жестокости и ненависти, просто не мог прожить более достойную жизнь, и он не в полной мере виновен за свое преступление. Но Аристотель бы сказал, что Роберт Харрис виновен в убийстве и прочих преступлениях, так как первопричина его поступков он сам и на нём лежит первичная ответственность за содеянное, и во многих ситуациях у него была реальная возможность поступить иначе, чем он поступил. Даже если его поступки были связаны с трудным детством и пагубным влиянием родителей-алкоголиков, Роберт всё же мог отказаться от пути убийцы и самостоятельно воспитать в себе, например, доброту, склонность к которой у него была. Нет ничего удивительного в том, что Харрис получился таким, но его прошлое не обязывало его стать именно таким.

Таким образом, в нашем распоряжении есть все основания полагать, что именно Аристотель оказался одним из первых, кто сумел сформулировать

аргументы в пользу либертарианства. Аристотель был убежден, что решения включают в себя выбор между альтернативами, а у людей есть возможность поступать иначе (по крайней мере, есть возможность в том, чтобы совершать поступок или не совершать). Его учение, согласно которому решения зависят от самого человека, и легло в основу либертарианского принципа первоначальной ответственности. Разумеется, с момента обсуждения проблемы свободы воли Аристотелем философия не стояла на месте, и своё слово на эту тему сказали многие другие философы [например, см: 13, с. 64]. Взгляды Аристотеля в рамках современных дискуссий могут быть интерпретированы по-разному, но основная цель настоящего исследования заключалась в том, чтобы показать каким образом взгляды Аристотеля могут быть оправданно проинтерпретированы как либертарианская теория агента-причины. Если же в других исследованиях и утверждается, что взгляды Аристотеля по проблеме свободы воли в своей основе являлись не либертарианскими, а компатибилистскими [14], то само по себе это будет говорить не об ошибочности предложенной нами интерпретации, но лишь о ещё одном возможном варианте интерпретации богатого наследия Аристотеля.

Библиографический список

1. Рассел Б. История западной философии. Ростов н/Д.: Феникс, 2002. 992 с.
2. Anscombe G. E. M. Modern Moral Philosophy // Philosophy. 1958. Vol. 33, № 124. P. 1–19. DOI: 10.1017/S0031819100037943.
3. Макинтайр А. После добродетели. Екатеринбург: Дело-вая книга, 2000. 384 с.
4. Fine K. Aristotle on Matter // Mind. 1992. Vol. 101, № 401. P. 35–57. DOI: 10.1093/mind/101.401.35.
5. Nussbaum M. C. Aristotle's De Motu Animalium. Princeton: Princeton University Press, 1978. 464 p.
6. Kane R. A Contemporary Introduction to Free Will. Oxford: Oxford University Press, 2005. 196 p.
7. Мишура А. С. Агентные теории свободы воли в современной аналитической философии // Трансцендентное в современной философии: направления и методы / под ред. Т. В. Левина. СПб.: Алетейя, 2013. С. 188–204.
8. Аристотель. Физика. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1981. Т. 3. С. 60–263.
9. Аристотель. Никомахова этика. Сочинения: в 4-х т. – М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 53–294.
10. Chisholm R. M. Human Freedom and the Self // Free Will / Ed. G. Watson. Oxford: Oxford University Press, 1982. P. 24–35.
11. Kane R. Free Will: The Elusive Ideal // Philosophical Studies. 1994. Vol. 75, № 1-2. P. 25–60. DOI: 10.1007/BF00989880.
12. Watson G. Responsibility and the Limits of Evil: Variations on a Strawsonian Theme // Responsibility, Character and the Emotions / Ed. F. D. Schoeman. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 256–286.
13. Васильев В. В. В защиту классического компатибилизма // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 64–76.
14. Everson S. Aristotle's Compatibilism in the Nicomachean Ethics // Ancient Philosophy. 1990. № 10. P. 81–103. DOI: 10.5840/ancientphil199010134.

ЮГАЙ Виктория Сергеевна, студентка гр. БЭК 132 Санкт-Петербургской школы экономики и менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».
Адрес для переписки: victoria.s.yugai@gmail.com

Статья поступила в редакцию 16.01.2017 г.

© В. С. Югай